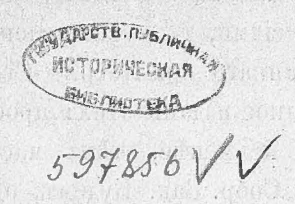

Важнѣйшія явленія въ литературѣ исторіи русскаго права за 1887-й годъ.

1. В. Н. Латкинъ: „Законодательныя коммиссіи въ Россіи въ XVIII в." Т. I. Спб. 1887.

Новое сочиненіе автора, уже прежде извѣстнаго цѣннымъ изслѣдованіемъ о земскихъ соборахъ, есть подробная и документальная исторія такъ наз. коммиссій по составленію новаго уложенія, или точнѣе попытокъ кодификаціи въ Россіи съ начала XVIII в.,—исторія, доведенная имъ пока до половины изслѣдованія о Екатерининской коммиссіи. Предметъ—далеко не новый въ нашей ученой литературѣ. Нѣкоторыя детальныя части вопроса были даже предметомъ многочисленныхъ спеціальныхъ монографій; таковы именно монографіи по исторіи Петровскихъ коммиссій г. Полѣнова, и Екатерининской коммиссіи гг. Сергѣевича, Дитятина, Брикнера и многихъ др.; таково сочиненіе А. Ѳ. Кистяковскаго по исторіи составленія малороссійскаго кодекса и т. д.

Тѣмъ не менѣе новый трудъ г. Латкина является не только не лишнимъ, но вполнѣ необходимымъ и желательнымъ, во-первыхъ потому, что представляетъ цѣльное и подробное сведеніе доступнаго матеріала по исторіи кодификаціи XVIII в., во-вторыхъ еще болѣе потому, что г. Латкинъ излагаетъ эту исторію б. ч. по непосредственнымъ архивнымъ даннымъ (архива кодификац. отд., т. е. бывшаго II отд. соб. Е. В. Канцеляріи). Наиболѣе существенную помощь ему оказали упомянутыя изданія г. Полѣнова и Русскаго историческаго общества. Несомнѣнно, что для полноты дѣла было бы не лишнимъ обратиться и къ другимъ архивамъ центральнымъ и мѣстнымъ. Замѣтимъ также, что полное изслѣдованіе законодатель-

ной дѣятельности должно включать въ себя полное изученіе работъ, совершенныхъ коммиссіями, т. е. составленныхъ ими проектовъ уложенія, напр. выработаннаго при Петрѣ—Своднаго уложенія; скажемъ болѣе: необходимо полное изданіе этихъ проектовъ. Для исторіи правосознанія они важны не менѣе, чѣмъ масса измѣнчивыхъ указовъ, вошедшихъ въ Полн. Собр. Зак. Будемъ, однако, благодарны автору и за тотъ значительный матеріалъ, съ которымъ онъ нынѣ насъ знакомитъ, зная, какой большой и тяжкій трудъ требуется для работъ подобнаго рода.

Въ появившемся 1-мъ томѣ содержится исторія законодательныхъ коммиссій при Петрѣ I (гл. 1), при Екатеринѣ I, Петрѣ II и Аннѣ Іоанновнѣ (гл. 2) и при Елизаветѣ Петровнѣ и Петрѣ III (гл. 3); исторія Екатерининской коммиссіи 1767 г. составляетъ три послѣднихъ главы сочиненія, но, какъ сказано, осталась пока не оконченною.

Благодаря обилію сыраго матеріала, книга г. Латкина получаетъ по мѣстамъ видъ болѣе сборника источниковъ, чѣмъ изслѣдованія. Впрочемъ опытный читатель легко можетъ разобраться въ этомъ сырьѣ и привесть его въ систематическій порядокъ. Попробуемъ сдѣлать это относительно нѣкоторыхъ вопросовъ, хотя очень не новыхъ, но остававшихся безъ удовлетворительнаго разрѣшенія, и именно такихъ, въ разрѣшеніи которыхъ, по нашему мнѣнію, авторъ расходится съ своимъ собственнымъ матеріаломъ.

Одинъ изъ такихъ вопросовъ, возбуждаемыхъ книгою г. Латкина, относится къ *участію въ дѣлѣ законодательства представителей населенія*. Выборные отъ населенія были призываемы во всѣ законодательныя коммиссіи XVIII в., за исключеніемъ коммиссій царствованія Петра I.

Хотя авторъ и говоритъ по поводу одной петровской коммиссіи, что уже тогда „рѣшились обратиться за содѣйствіемъ къ обществу въ дѣлѣ составленія уложенія“ (стр. 27), но эта ошибочная мысль вызвана слѣдующимъ фактомъ: сенатъ въ 1722 году предписалъ герольдмейстеру выбрать десять человѣкъ изъ офицеровъ и дворянъ для усиленія состава коммиссіи. Но что здѣсь разумѣются отнюдь не представители населенія,—это доказывается уже тѣмъ, что присланы были не офицеры и дворяне, а подъячіе, выбранные изъ городовъ, согласно новому предписанію сената. Роль этихъ новыхъ членовъ коммиссіи совсѣмъ не заключается въ томъ, чтобы выразить нужды

и желанія народа; они просто необходимы были для усиленія письменныхъ и другихъ черныхъ работъ коммиссіи.

Вообще Петръ отнюдь не склоненъ былъ справляться съ мнѣніями и желаніями подданныхъ, что̀ признаетъ и самъ авторъ въ другомъ мѣстѣ, говоря (на стр. 39) слѣдующее: „заканчивая обзоръ дѣятельности петровскихъ законодательныхъ коммиссій, мы считаемъ необходимымъ упомянуть объ одной особенности, присущей имъ и почти не встрѣчающейся у послѣдующихъ коммиссій вплоть до императора Павла, когда она снова появляется на сцену. Мы говоримъ объ отсутствіи народныхъ представителей, созывавшихся для участія въ законодательныхъ работахъ, какъ при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, такъ и въ періодъ времени отъ Екатерины I до Екатерины II включительно". Тутъ же авторъ указываетъ и причину весьма основательную, а именно ту, что Петръ I, въ своей реформаторской дѣятельности, создалъ бы себѣ помѣху въ лицѣ земскаго собора, потому что громадное большинство народа крайне враждебно относилось къ ломкѣ вѣковыхъ порядковъ. Только напрасно г. Латкинъ здѣсь повторяетъ свою ошибку, сдѣланную имъ въ другомъ изслѣдованіи, а именно, что будто-бы Петръ I созывалъ земскій соборъ въ 1698 году; это былъ не соборъ, а верховный судъ надъ царевной Софіей.

Затѣмъ во всѣ, послѣдующія царствованія Петра II, Анны Іоанновны, Елизаветы Петровны, Петра III и Екатерины II, къ составленію новаго уложенія были призываемы народные (сословные) депутаты. Принесла ли какую либо пользу дѣлу эта идея правительства XVIII в.,—откликнулось ли населеніе на призывъ власти помочь въ столь важномъ актѣ государственной жизни? Г. Латкинъ полагаетъ, что этотъ вопросъ долженъ быть рѣшенъ отрицательно во всѣхъ случаяхъ призыва выборныхъ вплоть до Екатерининской коммиссіи. Такъ о коммиссіи Петра II авторъ разсказываетъ, что созванные тогда представители дворянства совсѣмъ не явились къ сроку и затѣмъ послѣ собирались медленно и неохотно, что и само народонаселеніе не спѣшило выборомъ ихъ и присылкой. Авторъ видитъ въ этомъ „халатное отношеніе общества и то, что оно мало интересовалось возможностью принять участіе въ составленіи законовъ непосредственно касавшихся его интересовъ". Кромѣ того (на стр. 56) относительно коммиссіи 1728 года онъ говоритъ слѣдующее: „неудача

предыдущихъ выборовъ, халатность общества по отношенію къ исполненію своихъ обязанностей, нежеланіе со стороны депутатовъ участвовать въ законодательныхъ работахъ и ихъ крайній индифферентизмъ къ государственнымъ дѣламъ имѣли въ результатѣ то, что правительство ограничило выборное начало до минимума и дало возможность губернаторамъ назначать депутатовъ, тѣмъ болѣе, что за неспособность послѣднихъ первые подлежали строгой отвѣтственности". Далѣе г. Латкинъ (на стр. 58) разсказываетъ о коммиссіи 1730 года, когда призваны были депутаты не только изъ дворянства, но и духовенства и купечества; но затѣмъ послѣдовалъ указъ о непризывѣ ихъ и о возвращеніи тѣхъ изъ нихъ, которые уже явились, и о порученіи дальнѣйшихъ законодательныхъ работъ однимъ чиновникамъ. Причину этого авторъ опять усматриваетъ въ упорномъ нежеланіи общества принять участіе въ законодательной работѣ. Мимоходомъ замѣтимъ, что изъ фактовъ, представленныхъ имъ, мы отнюдь не можемъ уловить именно этотъ мотивъ въ столь важной мѣрѣ правительства.

Провѣряя столь не лестное для русскаго общества XVIII в., мнѣніе, мы не будемъ останавливаться на Петровскихъ и Аннинской коммиссіяхъ по недостаточности матеріаловъ, дошедшихъ до насъ объ этихъ коммиссіяхъ, и по меньшей важности ихъ для исторіи. Остановимся исключительно на *Елизаветинской коммиссіи*, когда дѣло законодательства пошло гораздо правильнѣе и успѣшнѣе, когда двѣ раздѣльныхъ функціи законодательства, а именно составленіе проекта закона и разсмотрѣніе его, были дѣйствительно раздѣлены. Вначалѣ коммиссія изъ чиновниковъ и профессоровъ составила проекты двухъ частей уложенія, именно судной и криминальной; а затѣмъ сама коммиссія высказалась за необходимость созванія всесословнаго земскаго собора, на основаніи старыхъ примѣровъ, начиная съ собора 1648 года (стр. 95). Составители проекта должны быть признаны самыми вѣрными судьями въ вопросѣ о пригодности или непригодности выборныхъ людей въ дѣлѣ созданія новаго кодекса. Если-бы эти послѣдніе, по своей небрежности и индифферентизму, не приносили никогда никакой пользы, то члены коммиссіи помнили бы это и не дали бы правительству совѣта вновь созвать ихъ. Съ своей стороны сенатъ призналъ эту мѣру не только полезною, но и совершенно необходимою: „всего общества трудъ въ

совѣтахъ быть къ тому потребенъ". Сенатъ выразилъ увѣренность, что „всякій отрекаться не будетъ, но охотно себя употребить потщится, чая во первыхъ незабвенную въ будущіе роды о себѣ оставить память, да сверхъ того за излишніе труды и награжденіе получить можетъ". Спрашивается: ошиблись ли въ своихъ надеждахъ коммиссія, сенатъ и правительство? „Потщились ли сыны отечества" помочь въ столь важномъ государственномъ дѣлѣ?

По мнѣнію г. Латкина, еще разъ-нѣтъ; надежды правительства еще разъ не оправданы равнодушнымъ народомъ. Вотъ подлинныя слова автора: „къ сожалѣнію, мы совершенно не имѣемъ возможности судить о томъ, какую роль играли депутаты при составленіи уложенія и въ чемъ выразилось ихъ участіе въ работахъ коммиссіи. Но изъ представленнаго нами очерка процедуры выборовъ видно, что и на этотъ разъ общество отнеслось къ призыву правительства болѣе чѣмъ индифферентно и что аргументація сената въ пользу необходимости и полезности участія общественныхъ представителей въ законодательныхъ работахъ осталась безъ всякихъ реальныхъ результатовъ. Сыны отечества, выражаясь словами сенатскаго указа, поступили теперь точно такъ-же, какъ поступали и прежде, и краснорѣчіе сената, нисколько не убѣдивъ ихъ, осталось гласомъ вопіющаго въ пустынѣ. Вотъ почему 13 января 1763 года былъ изданъ указъ, которымъ депутаты окончательно распускались по домамъ (стр. 133—134). Если такъ, остается только удивляться, что такъ долго правительство оставалось въ заблужденіи на счетъ энергіи и государственныхъ способностей общества и что такъ часто оно совершало одну и ту же ошибку, призывая къ участію въ законодательствѣ представителей этого послѣдняго. Но еще удивительнѣе, что императрица, которая въ 1763 г. окончательно распустила законодательное собраніе за его негодностію, есть та самая Екатерина, которая черезъ три года прославилась именно созывомъ новыхъ депутатовъ въ свою знаменитую коммиссію. Уже изъ этихъ соображеній выводъ г. Латкина объ индифферентизмѣ общества становится подозрительнымъ. Но авторъ ссылается на собранные и приведенные имъ факты относительно выбора и присылки депутатовъ. Посмотримъ, то ли говорятъ эти факты, чтὸ выводитъ изъ нихъ авторъ?

Познакомимся во первыхъ съ *срокомъ созыва*. Хотя коммиссія еще 1 марта ходатайствовала о созывѣ депутатовъ, но лишь 29 сен-

тября состоялся о томъ сенатскій указъ, въ которомъ срокомъ прибытія ихъ назначено 1 января 1762 г. Когда этотъ указъ могъ достигнуть своей конечной цѣли, т. е. дойти до свѣдѣнія избирателей въ разныхъ захолустьяхъ, болѣе или менѣе отдаленныхъ,—на то въ книгѣ г. Латкина указаній не находимъ, кромѣ одной, самой близкой къ Петербургу провинціи, именно Псковской (стр. 105). Во Псковѣ указъ полученъ 11 октября и тотъ часъ же опубликованъ, но опубликованъ только въ собственномъ уѣздѣ центральнаго города. Депутаты же требовались отъ цѣлой провинціи; надо было увѣдомить „приписные города"; имъ указы посланы лишь 10 ноября, и затѣмъ изъ уѣздовъ не было ни слуху ни духу. Между тѣмъ дворяне собственно Псковскаго уѣзда, не дождавшись дворянъ приписныхъ городовъ, съѣхались на выборы 4 декабря и избрали сами двухъ депутатовъ (служившихъ въ то время въ Петербургѣ прокурорами). Отчего-же такъ медлили уѣзды? Въ центральномъ городѣ даже въ декабрѣ не было извѣстно, что̀ сдѣлали мѣстныя воеводскія канцеляріи по поводу сенатскаго указа, увѣдомили ли они уѣздныхъ дворянъ, ибо и тогда воеводскія канцеляріи не доносили еще о томъ во Псковъ ничего. При такой быстротѣ административныхъ сношеній, не удивительно, если иной дворянинъ отдаленнаго уголка провинціи оставался до конца года въ полномъ невѣдѣніи о томъ, что государство призываетъ его къ великому дѣлу законодательства. И это почти рядомъ со столицею. Что же можно подумать о Вяткѣ, Архангельскѣ и даже Симбирскѣ? Время года для созыва представителей какъ нарочно было выбрано наименѣе удачное—глубокая осень и начало зимы, когда и до нынѣ во многихъ мѣстахъ прекращаются на долго всякія взаимныя сношенія между ближайшими сосѣдями. Нужно знать, что коммиссія для составленія законовъ, предполагала собрать депутатовъ къ 1 октября. Но такъ какъ сенатскій указъ состоялся только 29 сентября, то и пришлось отодвинуть срокъ прибытія депутатовъ къ 1 января.

Второе обстоятельство, бывшее причиною замедленія явки депутатовъ, была *двойственность сроковъ* созыва. Первоначально предполагалось созвать представителей только центральной Россіи, не трогая ея окраинъ,—именно: Сибири, Астрахани, Оренбурга, Кіева, Слободской украйны, Малороссіи и Остзейскаго края,—первыхъ по ихъ отдаленности, а послѣднихъ—по ихъ неподчиненію общеимпер-

скимъ законамъ и по примѣру 1728 г. Но затѣмъ коммиссія сама признала это ошибочнымъ и 24 октября представила сенату донесеніе о необходимости созвать выборныхъ и изъ этихъ окраинныхъ мѣстъ. Сенатъ лишь 8 декабря далъ указъ о томъ, назначивъ срокомъ прибытія этихъ послѣднихъ 1-е марта 1762 г. Сомнѣваемся, чтобы было физически возможно къ этому сроку прибытіе выборныхъ изъ Сибири.

Между тѣмъ и въ центральныхъ частяхъ Россіи, конечно, узнали объ этомъ второмъ срокѣ созыва и могли справедливо думать, что едва ли и нужно явиться къ 1 января, что окраинные люди должны слушать уложеніе въ общемъ собраніи депутатовъ, которое слѣдовательно могло составиться лишь къ 1 марта.

Одно изъ важныхъ обстоятельствъ въ расматриваемомъ дѣлѣ есть чрезмѣрная *обширность избирательныхъ округовъ* и неустановленіе правительствомъ *способовъ выбора* депутатовъ. Избирательными округами признаны провинціи, и даже, цѣлыя губерніи. Каждая провинція заключала въ себѣ нѣсколько уѣздовъ съ ихъ центральными воеводскими городами. Старые уѣзды, хотя уже не имѣли никакихъ общественныхъ связей, все-же составляли одно привычное цѣлое, по незначительности своего объема и по сосѣдскимъ сношеніямъ. Провинціи же, состоявшія изъ нѣсколькихъ уѣздовъ, обнимали нерѣдко цѣлыя огромныя области имперіи; отъ избирателей требовалось большаго труда и издержекъ для взаимныхъ сношеній по поводу выборовъ и для путешествія въ центральный городъ. Для облегченія дѣла правительствомъ не было сдѣлано ничего. Сенатскимъ указомъ предписывалось губернаторамъ и воеводамъ только не вмѣшиваться въ выборы, ограничившись составленіемъ именныхъ списковъ дворянъ и разсылкою ихъ каждому дворянину. Сами дворяне должны были „произвольно“ (т. е. по собственному соглашенію) назначить кремя съѣзда для выборовъ. Лишь въ случаѣ медленности губернаторъ или воевода должны были „побуждать неослабно“. Какъ это осуществлялось на дѣлѣ, мы уже видѣли отчасти на примѣрѣ Псковской провинціи; трудно было согласиться о выборѣ времени для съѣзда людямъ, живущимъ по разнымъ угламъ обширной провинціи. Примѣромъ неурядицъ, какъ естественныхъ послѣдствій отсутствія опредѣленнаго порядка выборовъ, можетъ служить процедура ихъ въ Углицкой провинціи. Здѣсь провинціальная канцелярія

послала нарочныхъ съ инструкціями для объявленія сенатскаго указа всему углицкому шляхетству и предписала, чтобы дворяне назначили время и мѣсто съѣзда и дали въ томъ подписку. Дворяне собственно углицкаго уѣзда объявили, что съѣдутся въ Угличѣ; что-же касается до времени, то одни назначили 17 ноября, другіе 27; третьи 3 декабря, а иные неопредѣленно въ 20-хъ числахъ (вѣроятно ноября). Очевидно, что такимъ образомъ не было принято никакого срока, а потому неудивительно, что ни 17, ни 27 ноября не явился изъ нихъ никто на съѣздъ; между тѣмъ до 1 января оставался только одинъ мѣсяцъ. Тогда провинціальныя власти нашлись вынужденными отступить отъ буквы сенатскаго указа и сами назначили срокъ съѣзда 15 декабря, а мѣсто—городъ Кашинъ, какъ болѣе центральный между двумя прочими уѣздами—Углицкимъ и Бѣжецкимъ. Дворяне, дѣйствительно, съѣхались и выбрали двухъ депутатовъ, чѣмъ и доказывается, что основною причиною медленности была ошибка самого правительства, оставившаго порядокъ выборовъ безо всякаго опредѣленія. Такъ происходило въ дворянскомъ сословіи; но купеческое сословіе и провинціальные магистраты сразу почти повсемѣстно сами установили болѣе практическій способъ выборовъ (что, однако, не совсѣмъ предохранило и здѣсь отъ неурядицъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ); а именно здѣсь слѣдовали *двухстепенному порядку выборовъ* отдѣльные города каждой провинціи избирали выборщиковъ, которые съѣзжались въ центральный (провинціальный) городъ и здѣсь уже избирали депутата. Но такъ какъ число выборщиковъ не было опредѣлено для каждаго города, то каждый городъ высылалъ ихъ въ произвольномъ, неравномъ числѣ; такъ въ Вятской провинціи центральный городъ Хлыновъ далъ 11 выборщиковъ, Слободской 8, Кайгородъ, Орловъ и Котельничъ по 1-му, Шестаковъ 2. Провинціальный магистратъ призналъ это число весьма недостаточнымъ и между прочимъ на этомъ основаніи кассировалъ выборъ. Во всякомъ случаѣ такъ дѣло шло несомнѣнно правильнѣе и успѣшнѣе, чѣмъ въ дворянскомъ сословіи. Тоже практиковалось въ Ярославской провинціи, гдѣ повѣренные были высланы въ Ярославль отъ романовскаго магистрата и ратушъ: кинешенской, борисо-глѣбской, рыбнослободской и норской. Такъ было и въ Переяславлѣ Залѣсскомъ, куда вызваны были повѣренные отъ ростовскаго купечества. Тоже было во Владимірѣ, куда съѣха-

лись повѣренные изъ приписныхъ городовъ: Мурома, Гороховца и Вязниковъ. Такъ-же происходили выборы въ Касимовѣ при участіи выборщиковъ изъ приписныхъ городовъ Елатома, Кадома и Темникова. Словомъ купеческое сословіе до нѣкоторой степени само удачно исправило ошибку правительства. Этому же примѣру двустепенности выборовъ послѣдовало въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и дворянство; такъ установлено было въ Московской провинціи, гдѣ послѣ многихъ неудачъ поголовнаго съѣзда велѣно было въ каждомъ уѣздѣ выбрать по одному выборщику и прислать въ Москву (стр. 120). Тоже было и въ Смоленскѣ. При этомъ въ депутаты избирался одинъ изъ выборщиковъ.

Правительство оставило неопредѣленнымъ и другой вопросъ неменьшей важности, именно—*о качествахъ и числѣ избирателей.* Повидимому предполагалось поголовное участіе въ избраніи, какъ среди дворянъ, такъ и купцовъ. При изложенной выше неопредѣленности времени и мѣста съѣзда дворянъ, естественно было ожидать, что къ выборамъ явятся далеко не всѣ. Въ Шацкѣ произошелъ такой случай: дворяне съѣхались 16 ноября и выбрали Бухвостова и Чубарова; на съѣздѣ участвовали далеко не всѣ дворяне; нѣкоторые изъ неявившихся, сказавшись больными, дали подписку, что спорить и прекословить не будутъ. Однако, узнавъ о состоявшемся выборѣ, прочіе дворяне съѣхались вновь, и одобривъ избраніе Бухвостова, не утвердили избранія Чубарова, на мѣсто котораго выбрали другаго—Свищева; въ томъ числѣ были нѣкоторые и изъ тѣхъ, которые обѣщались не спорить и не прекословить. Провинціальной канцеляріи осталось неизвѣстнымъ, гдѣ происходилъ этотъ вторичный выборъ. Не смотря на такую безпорядочность выборовъ, при чемъ естественно было ожидать отъ избирателей нѣкоторой невнимательности къ нимъ, отнюдь нельзя сказать, что избиратели отнеслись къ дѣлу вполнѣ равнодушно. Въ нѣкоторыхъ провинціяхъ составлялись между дворянами партіи и происходила борьба,—не смотря на малочисленность избирателей; такъ въ Орлѣ всѣхъ избирателей, т. е. отставныхъ штабъ и оберъ офицеровъ, было только 35 человѣкъ, но они раздѣлились на длѣ группы: одна (изъ 12 челов.) выбрала Кривцова и Шеншина, а другая (изъ 23) Ступишина и Шеншина (того-же). Что касается до городскихъ выборовъ, то, судя по свѣдѣніямъ, получаемымъ изъ книги г. Латкина, повсюду избиратели отнеслись къ

дѣлу весьма добросовѣстно и усердно. Нѣкоторые курьезные факты изъ исторіи выборовъ объясняются тѣмъ же недостаткомъ организаціи выборовъ; правительство, требуя одного или двухъ депутатовъ отъ каждой провинціи, не знало, что въ нѣкоторыхъ провинціяхъ вовсе нѣтъ дворянскаго или городскаго населенія. Такъ уфимскій провинціальный магистратъ донесъ, что хотя по послѣдней ревизіи въ этой провинціи числилось 220 душъ купечества, но изъ нихъ выбыло отъ смерти, рекрутства, ссылки, бѣгства и болѣзней 150 душъ; во время выборовъ оставалось на счету 72 души, но на лицо находилось только 7. Неудивительно, что отъ такой горсти людей не былъ посланъ депутатъ. Нѣчто подобное произошло въ Торопцѣ. Относительно дворянъ вятская провинціальная канцелярія донесла, что въ этой провинціи „какъ шляхетства изъ знатнаго дворянства такъ и отставныхъ штабъ и оберъ офицеровъ—знатнаго жъ дворянства, никого не имѣется“. Выборы разумѣется не состоялись.

Изъ этого видно, что *сословное начало* выборовъ 1761 года было важнѣйшею причиною неудачи ихъ. Въ самомъ дѣлѣ, откуда такое безлюдье? Куда дѣвалось населеніе имперіи, если въ нѣкоторыхъ мѣстахъ некому было приступить къ избранію. Населеніе несомнѣнно было, но оно не было призвано къ представительству. Депутатовъ должны были выслать только дворяне и купцы; первые по два отъ провинціи, вторые по одному. Но при второмъ призывѣ депутатовъ изъ окраинныхъ мѣстъ (по указ. 8 декабр.) само правительство признало, что изъ сибирскихъ провинцій, Оренбурга и Астрахани нечего требовать присылки дворянъ, ибо тамъ „дворянъ, кромѣ продолжающихъ службу въ тамошнихъ гарнизонахъ, имѣющихъ деревни, нѣтъ“. Поэтому изъ такихъ провинцій вызваны только купеческіе депутаты, при чемъ, для полноты представительства, эти провинціи, а равно Малороссія, Слободская Украйна, Остзейскій край и города Кіевъ и Нѣжинъ должны были дать не по одному, а по два выборныхъ отъ купечества. Духовенство не было призвано къ выборамъ; церковные интересы были представлены двумя лицами, назначенными отъ синода. Внѣ круга этихъ сословій оставалось много-милліонное сельское населеніе, не только крѣпостное, но и свободное; оставались однодворцы, архіерейскіе дѣти боярскіе и т. п. разночинцы и инородцы.

Обращаясь къ вопросу—*кого избирали*, всегда ли выборы па-

дали на людей достойныхъ,—находимъ, что и съ этой стороны правительствомъ не было вовсе регулировано дѣло. Въ сенатскомъ указѣ было предписано только, что выбранными могутъ быть штабъ и оберъ-офицеры, происшедшіе изъ дворянъ и люди изъ числа знатнаго дворянства; въ томъ числѣ могли быть выбраны и вѣчно-отставные отъ всѣхъ дѣлъ, лишь бы были пригодны. Послѣднее прибавлено сенатомъ потому, что по прежнимъ опытамъ, мѣстное дворянство высылало и могло выслать только вѣчно-отставныхъ, а такими были лишь дряхлые и увѣчные; другихъ не занятыхъ службою, вовсе не оказывалось. Въ виду этого сенатомъ разрѣшено избирать и состоящихъ на государственной службѣ, если эти послѣдніе служатъ въ Петербургѣ. Очевидно, правительство опасалось, что выбирать будетъ некого, при всеобщей обязательности дворянской службы. Затѣмъ образовательный и нравственный цензъ вовсе не были опредѣлены сенатскимъ указомъ. Чтоже вышло въ результатѣ? Могли ли избиратели преодолѣть указанныя сейчасъ препятствія и снабдить коммиссію дѣйствительно пригоднымъ матеріаломъ? Откуда они могли взять людей зрѣлаго возраста, не дряхлыхъ стариковъ и не младенцевъ, когда дворяне по прежнему всѣ служатъ? Единственнымъ выходомъ изъ этихъ затрудненій, къ которому и прибѣгли избиратели было выбирать тѣхъ изъ мѣстныхъ дворянъ, которые въ то время служили въ Петербургѣ; такъ поступили во Псковѣ (какъ упомянуто выше), въ Рязани (гдѣ избранъ Титовъ, служившій въ полицмейстерской канцеляріи), въ Нижнемъ Новгородѣ (Приклонскій, состоявшій у герольдмейстерскихъ дѣлъ), въ Вологдѣ (Брянчаниновъ,—прокуроръ Бергъ-коллегіи). Во многихъ другихъ случаяхъ матеріалы г. Латкина указываютъ только на чины избранныхъ, а не на мѣсто ихъ службы, хотя и можно предполагать, что изъ нихъ многіе также состояли на дѣйствительной службѣ въ Петербургѣ. Всѣ избранные этого рода, конечно, не могли быть дряхлыми и увѣчными; прокуроры коллегій и чиновники сената, сверхъ того, должны были имѣть достаточное образованіе и познаніе законовъ. Затѣмъ въ остальныхъ случаяхъ дворяне принуждены были выбирать изъ мѣстнаго наличнаго дворянства, т. е. изъ отставныхъ и вѣчно отставныхъ; тутъ уже нельзя было совсѣмъ избѣжать выбора больныхъ, дряхлыхъ и увѣчныхъ. Такъ депутатъ арзамасской провинціи Бахметевъ, ссылаясь на „абшидъ“, просилъ его освободить по болѣзни, которая оказалась дѣй-

ствительною по свидѣтельству врача и вполнѣ серьезною; тоже заявилъ и депутатъ рязанской провинціи Натальинъ, болѣзнь котораго была вновь освидѣтельствована по распоряженію сената; больными оказались также депутаты дворянства: Симбирскаго, Костромскаго, Тамбовскаго, Свіяжскаго и Казанскаго. Всѣ эти случаи болѣзненности отнюдь не могутъ быть признаны отговорками, ибо засвидѣтельствованы несомнительнымъ образомъ, и потому отнюдь не могутъ служить доказательствомъ уклончивости со стороны избранныхъ. Но тѣже случаи не могутъ быть поставлены въ вину и избирателямъ, которые, какъ могло-бы показаться, нарочно отдѣлывались выборомъ людей непригодныхъ; они и желали, да не могли найти лучшихъ въ своей отставной и захирѣвшей средѣ. Такова и должна быть судьба той межеумочной эпохи, когда старые служилые классы, не переставая быть служилыми, превращались въ сословіе. Теперь нѣтъ уже думныхъ людей, дворянъ Московскихъ и дворянъ и дѣтей боярскихъ изъ городовъ, которые призываемы были къ представительству на земскихъ соборахъ въ XVII в.; теперь есть шляхетство, однако существующее пока болѣе въ принципахъ, чѣмъ въ дѣйствительности, Оно служитъ по прежнему обязательно; но роды службы его иные, ничѣмъ уже не связанные съ земствомъ; нельзя было вызвать представителей отъ надворныхъ совѣтниковъ, секундъ-майоровъ и адмираловъ.

Не смотря на вышесказанное, отнюдь не слѣдуетъ думать, что дворянство выслало въ Елизаветинскую коммиссію только петербургскихъ чиновниковъ и никуда не годныхъ старцевъ и калѣкъ. Это видно изъ того, что коммиссія, бракуя нѣкоторыхъ выборныхъ отъ купечества, не забраковала никого изъ дворянъ.

Что касается до купечества, то мы уже говорили, что оно относилось къ дѣлу выборовъ весьма добросовѣстно. Въ приговорахъ объ избраніи городскія сословія такъ опредѣляютъ обыкновенно качества избранныхъ ими; „онъ человѣкъ добрый и къ тому дѣлу достоинъ“ (суздальск.) или: „онъ человѣкъ добрый и не подозрительный“ (галицк.); или: „онъ человѣкъ добрый, грамотѣ и писать умѣющій и для вышеозначеннаго дѣла быть достоинъ“ (владимір.). Хотя въ сенатскомъ указѣ качества избираемыхъ отъ купечества вовсе не были опредѣлены; но всеобщею практикою было принято избирать изъ „первостатейныхъ“, т. е. болѣе богатыхъ, первогильдейскихъ.

На этомъ основаніи Вятскій провинціальный магистратъ отмѣнилъ избраніе слободскаго купца Шмелева: „первостатейный ли онъ и знаетъ ли о коммерціи и портовыхъ торгахъ, того о немъ (избиратели) въ выборѣ не написали, изъ чего оставалось не безъ сомнѣнія, что онъ, можетъ, изъ подлыхъ или средостатейныхъ, каковаго къ тому дѣлу и допустить было опасно" (стр. 111). Когда провинціальный магистратъ, кассировавъ этотъ выборъ, предписалъ произвести новый, то одинъ изъ городовъ Вятской провинціи г. Слободской воспротивился тому и отказался отъ вторичныхъ выборовъ, такъ какъ депутатъ Шмелевъ „изъ первостатейныхъ, человѣкъ достойный и прожиточный, каковому въ той должности и быть надлежитъ". Шмелевъ остался депутатомъ. Не смотря на то, что въ городскомъ сословіи не было такихъ препятствій къ выбору пригодныхъ депутатовъ, какъ въ дворянскомъ, однако и здѣсь въ депутаты иногда попадали люди дряхлые и не первостатейные; такъ коммиссія забраковала за старостію выборныхъ: арзамасскаго, владимірскаго, рязанскаго, суздальскаго, переяславскаго и касимовскаго. Но отнюдь ни изъ чего не слѣдуетъ, что таковыхъ собралось въ коммиссію большинство.

Выбранныхъ къ первому сроку, т. е. къ 1 января, *явилось* не много (всего 5 чел.); но вѣроятно, въ то число не включались тѣ, которые состояли на службѣ въ Петербургѣ. При изложенныхъ выше обстоятельствахъ выборовъ, это вовсе не удивительно. Затѣмъ выборные являлись въ коммиссію въ теченіи февраля и слѣдующихъ мѣсяцевъ; явка нѣкоторыхъ изъ нихъ отмѣчается по документамъ въ книгѣ г. Латкина, напр, такъ: „въ январѣ прибыло еще 22 человѣка; въ продолженіи февраля прибыло еще 5 человѣкъ". Но что такія отмѣтки далеко не означаютъ всего числа явившихся, это доказывается тѣмъ фактомъ, что уже 9 февраля коммиссія сдѣлала вышеупомянутое постановленіе о возвращеніи нѣкоторыхъ депутатовъ изъ купцовъ, не удовлетворявшихъ по своимъ качествамъ призванію; здѣсь поименовано однихъ негодныхъ по дряхлости 6 человѣкъ; но еще прибавлено и о „другихъ, что они малоимущественны и слабаго здоровья". Это все только о городскихъ депутатахъ. Между тѣмъ въ мартѣ выборные приступили къ дѣлу, для котораго были призваны, т. е. къ слушанію и разсмотрѣнію готовыхъ частей новаго уложенія. Очевидно, что собраніе было признано достаточнымъ для того.—

Впрочемъ въ матеріалахъ г. Латкина есть точное свѣдѣніе, сколько депутатовъ и изъ какихъ провинцій не явилось до лѣта (до іюля); эти свѣдѣнія содержатся въ постановленіи коммиссіи отъ 18 іюля; до этого дня не явились въ коммиссію дворянскіе депутаты Смоленской и Казанской губерній и провинцій: Костромской, Орловской, Шацкой, Тамбовской, Тульской и Калужской, а изъ провинцій Московской, Симбирской и Сѣвской явилось по одному депутату; стало быть не доставало 19 дворянскихъ депутатовъ. Изъ городскихъ депутатовъ къ тому же времени не явилось трое, а именно выборные Орловской, Симбирской и Арзанской провинціи. Коммиссія рекомендовала строгія мѣры понужденія къ скорѣйшей высылкѣ ихъ. Едвали это количество отсутствующихъ должно быть признано чрезмѣрнымъ при общемъ значительномъ числѣ депутатовъ всей Россіи.

Останавливаясь вообще надъ фактами медленности выборовъ и неявки нѣкоторыхъ депутатовъ, мы должны сдѣлать общее замѣчаніе, касающееся существа исторіи русскаго государственнаго права. Извѣстно, что и въ до-петровской Руси всѣми замѣченъ фактъ уклоненія многихъ гражданъ отъ права избранія выборныхъ на земскіе соборы и не весьма ревностнаго стремленія депутатовъ воспользоваться своими полномочіями. Однако земскіе соборы не только собирались въ каждомъ требуемомъ случаѣ (не было ни одного случая несостоявшагося земскаго собора по неявкѣ выборныхъ), но и дѣйствія соборовъ большинствомъ изслѣдователей (въ томъ числѣ и г. Латкинымъ) признаются полезными и плодотворными. Во всякомъ случаѣ населеніе и до Петровской и послѣ—петровской Руси смотритъ на выборы, не какъ на право и желанную привилегію, а какъ на повинность въ ряду другихъ, требуемыхъ государствомъ, довольно тяжелую, но необходимую въ видахъ государственной пользы. Въ сущности оно такъ и есть: для избираемыхъ еще есть кое-какія приманки, въ видѣ содержанія (которое на Руси, однако, было очень скудно) и особаго почета и привилегій, которыхъ у насъ вовсе не замѣтно до Екатерины II. Но для избирателей не предстояло здѣсь никакихъ выгодъ; кромѣ потери времени и труда на выборы и средствъ на содержаніе депутатовъ. Всякому извѣстно, что всякія другія государственныя повинности, напр. воинская, признаваемыя патріотическимъ населеніемъ за необходимыя, тѣмъ не менѣе не заключаютъ въ себѣ ничего, возбуждающаго особою радость и удоволь-

ствіе. Нужны какія либо спеціальныя условія въ государственномъ строѣ, чтобы одна изъ таковыхъ повинностей восприняла свойства большой привлекательности. Въ западной Европѣ такія условія были, а въ Россіи нѣтъ. Тамъ (разумѣемъ преимущественно Англію) право участія въ государственной власти куплено населеніемъ цѣною долговременной и упорной борьбы съ королевскою властію. У насъ правительственная власть сама призывала населеніе къ участію въ правительственной и законодательной дѣятельности, усматривая въ томъ не умаленіе своихъ прерогативъ, а облегченіе для себя самой трудовъ управленія. Русскій народъ есть народъ наименѣе честолюбивый и властолюбивый.

Что же дѣлали депутаты въ Елизаветинской коммиссіи и сдѣлали-ли что нибудь полезное? Г. Латкинъ отказывается отвѣтить на этотъ вопросъ. Однако ясный, хотя и неполный отвѣтъ даютъ матеріалы имъ собранные. Участіе выборныхъ въ дѣлѣ составленія новаго уложенія можно отнести только ко времени съ 1 марта 1762 года. До того времени они не только не были собраны въ достаточномъ числѣ, но и не могли приступить къ дѣлу по обстоятельствамъ того времени: въ январѣ императрица Елизавета умерла; коммиссіи предстояла лишь печальная роль участвовать въ траурной церемоніи которая продолжалась до первыхъ чиселъ февраля. Хотя новое кратковременное царствованіе было далеко неблагопріятно для мирной устроительной дѣятельности, но именно къ этой эпохѣ относится, дѣятельность выборныхъ въ законодательствѣ, именно къ марту, апрѣлю и маю 1762 года. Г. Латкинъ говоритъ, что въ мартѣ было три засѣданія (1, 6 и 16 чис.), въ апрѣлѣ одно (30-го), въ маѣ три (1, 20 и 21), „но всѣ они ровно ни чѣмъ не замѣчательны". Надо полагать, что въ протоколахъ коммиссіи сохранилась далеко не полная исторія ея; ибо въ слѣдъ за тѣмъ въ книгѣ г. Латкина находимъ, именно въ протоколѣ 14 іюня, слѣдующее свѣдѣніе о дѣятельности коммиссіи за предшествующіе мѣсяцы: „двѣ части уложенія (судная и криминальная) разсмотрѣны и переправлены коммиссіей, а третья сочинена и собранными отъ губерній и провинцій депутатами въ общемъ присутствіи слушаны; четвертая же часть въ непродолжительномъ времени будетъ окончена" (стр. 136). И такъ въ мартѣ, апрѣлѣ и маѣ собравшіеся депутаты прослушали три главы уложенія (т. е. почти весь кодексъ); слѣдовательно въ эти мѣсяцы

было пе 7 засѣданій, „ровно ничѣмъ не замѣчательпыхъ“, а гораздо болѣе и притомъ весьма замѣчательныхъ. Три четверти кодекса (и притомъ самыхъ главныхъ) разсмотрѣны окончательно представителями населенія.

Въ протоколахъ, опубликованныхъ г. Латкинымъ, нѣтъ никакихъ свѣдѣній о дѣйствіяхъ депутатовъ при слушаніи кодекса; но никакой вѣроятности нѣтъ предполагать, что собравшіеся молча прослушали его. Вѣдь и въ предисловіи къ уложенію царя Алексѣя Михайловича сказано только, что выборными уложеніе „слушано“; а между тѣмъ оказывается, что оно пе только все разсмотрѣно ими, но по инициативѣ ихъ составлены цѣлыя главы. Въ Елизаветинской коммиссіи должно было повториться тоже. Двѣ первыя части уложенія—судная и криминальная, уже прежде представляемыя на утвержденіе Государынѣ и вновь пересмотрѣнныя, были обработаны наиболѣе тщательно и могли вызвать мало замѣчаній со стороны выборныхъ; но это лишь наше предположеніе, которое можетъ быть ослаблено тѣмъ, что вторыя редакціи этихъ двухъ первыхъ частей весьма значительно отличаются отъ своихъ первоначальныхъ редакцій; такой разницы въ работѣ нельзя объяснить ничѣмъ, кромѣ вліянія новыхъ свѣжихъ дѣятелей. Мы ни откуда не знаемъ, чтобы отъ 1 марта 1761 г. по мартъ 1762 года произошло какое-либо особенное обновленіе постоянныхъ членовъ коммиссіи (изъ чиновниковъ).

Итакъ съ вѣроятностію можно бы видѣть и здѣсь большой слѣдъ вліянія выборныхъ. Но, повторяемъ, мы не отстаиваемъ этой мысли относительно первыхъ двухъ частей уложенія.—Не то, относительно 3-й части, которая носитъ заглавіе: „о состояніяхъ подданныхъ вообще“, и сохранилась въ трехъ редакціяхъ (изложеніе содержанія этой части уложенія составляетъ новую заслугу книги г. Латкина). Что же служитъ содержаніемъ этой части? Въ 25 главахъ ея затронуты самые жизненные интересы тѣхъ сословій, которыхъ представители засѣдали въ коммиссіи 1762 г. Минуя другія главы, достаточно указать на XVIII—XXI главы, трактующія о крѣпостномъ правѣ, XXII-ю о правахъ дворянъ и XXIII, XXIV и XXV-ю, содержащія въ себѣ „купеческое право“. Здѣсь рѣчь идетъ о правахъ дворянъ надъ крѣпостными людьми; говорится между прочимъ (XIX, 1), что „дворянство имѣетъ надъ людьми и крестьяны своими.... и надъ имѣніемъ ихъ полную власть безъ изъятія, кромѣ отнятія живота и

наказанія кнутомъ и произведенія надъ оными пытокъ". Нужно знать, что права владѣльцевъ надъ крестьянами никогда не были опредѣлены закономъ, ни до Петра, ни послѣ него, но что когда правительство рѣшалось вмѣшаться въ эти отношенія, то старалось ограничить власть помѣщиковъ не только со стороны жизни и здоровья ихъ, но и со стороны права продажи ихъ поштучно, „какъ скотовъ". Слѣдовательно почти безграничная власть владѣльцевъ надъ крѣпостными введена въ Елизаветинское уложеніе не по мысли правительства постоянными чиновниками коммиссіи; она могла быть установлена только представителями дворянства. Возьмемъ другой примѣръ: въ уложеніи (XXII) устанавливаются источники пріобрѣтенія дворянства, и таковыми признаны только: рожденіе, индигенатъ и пожалованіе, но не выслуга. Между тѣмъ основнымъ началомъ, которому въ этомъ отношеніи неуклонно слѣдовало правительство, начиная съ табели о рангахъ, ставило выслугу въ число главныхъ способовъ пріобрѣтенія дворянства. Противъ выслуги, какъ источника дворянства, вооружались дворянскіе представители и въ Екатерининской коммиссіи, но Екатерина, подобно Петру, удержала старое служилое начало дворянства. Очевидно, что и въ Елизаветинское уложеніе подобныя аристократическія поползновенія проскользнули не по волѣ правительства, а по желанію представителей дворянства.—Въ уложеніе вошелъ также проектъ устройства „земскихъ съѣздовъ", правильнѣе дворянскихъ собраній по губерніямъ и провинціямъ для выбора 50 депутатовъ для присутствованія въ сенатѣ и сенатской конторѣ.—Постановленія объ освобожденіи дворянъ отъ „неприличныхъ", т. е. тѣлесныхъ наказаній, отъ пытокъ, отъ произвольнаго лишенія свободы, отъ конфискаціи ихъ имѣній, о чемъ заявляли дворянскіе депутаты въ Екатерининской коммиссіи и что̀ (далеко не вполнѣ) вошло въ жалованную дворянскую грамоту, противорѣчили направленію и практикѣ всѣхъ предшествующихъ царствованій, въ томъ числѣ и Елизаветинскаго, слѣдовательно должны быть приписаны заявленіямъ дворянства въ коммиссіи 1762 г.

Обращаясь къ правамъ купечества, въ уложеніи (гл. XXIII) находимъ между прочимъ, что каждому купцу предоставляется право на владѣніе въ городѣ домомъ безъ платежа оброка съ земли, что̀ совершенно противорѣчитъ прежнему порядку, практиковавшемуся и при Елизаветѣ, и слѣдовательно могло явиться въ уложеніи только

въ силу заявленія со стороны городскихъ депутатовъ. Тоже должно сказать и о многихъ другихъ постановленіяхъ XXIII-й и XXIV-й гл.

Такимъ путемъ открываются не только съ вѣроятностію, но и съ необходимостію слѣды участія сословныхъ представителей въ составленіи Елизаветинскаго уложенія. Къ признанію этого въ концѣ концовъ склоняется и г. Латкинъ (стр. 169), сначала совсѣмъ отказавшійся опредѣлить роль выборныхъ въ Елизаветинской коммиссіи. Онъ говоритъ: „по многимъ вопросамъ отдѣльныхъ отраслей права проектъ предлагаетъ совершенно новые отвѣты, за частую реформируя юридическій бытъ народа и внося въ него новыя начала на смѣну прежнимъ, такъ сказать устарѣлымъ и ставшимъ въ силу этого уже негодными. Подобный, если можно такъ выразиться, реформаторскій характеръ уложенія объясняется на нашъ взглядъ вліяніемъ народныхъ представителей, принявшихъ участіе въ составленіи проекта". Въ доказательство этой мысли г. Латкинъ справедливо ссылается на сходство многихъ постановленій Елизаветинскаго уложенія съ депутатскими наказами въ Екатерининской коммиссіи; „проектъ, говоритъ онъ, былъ почти такимъ же продуктомъ дѣятельности народныхъ представителей, какъ и самые наказы" (стр. 170). Этимъ авторъ самъ совершенно упраздняетъ свои предыдущія замѣчанія о „халатности", „индифферентности" населенія въ дѣлѣ выборовъ и негодности выбранныхъ имъ депутатовъ. Хорошили ли, или нѣтъ стремленія сословныхъ представителей въ коммиссіи 1762,— это другой вопросъ, во всякомъ случаѣ ихъ нельзя обвинить въ бездѣятельности и сонливомъ равнодушіи къ дѣлу. Итакъ репутація, позорящая населеніе имперіи, должна быть снята съ Елизаветинской коммиссіи: правительство со временемъ Петра II, не даромъ призывало выборныхъ къ дѣлу законодательства.

На этомъ мы разстанемся съ книгою г. Латкина впредь до окончанія имъ изслѣдованія о Екатерининской коммиссіи, чего въ интересахъ науки, ожидаемъ съ удовольствіемъ.

---

2. Н. Д. Сергѣевскій: „Наказаніе въ русскомъ правѣ XVII в." Спб. 1887 г.

Названное сочиненіе состоитъ изъ общей главы („карательная дѣятельность и ея задачи") и изъ исторіи отдѣльныхъ видовъ кара-

тельныхъ мѣръ по русскимъ памятникамъ XVII в. И то, и другое изложено не только на основаніи законодательныхъ памятниковъ, изученныхъ весьма внимательно, но и бытовыхъ источниковъ, которые во множествѣ и даже въ излишествѣ приняты авторомъ во вниманіе. Но при этомъ не всегда ясно для читателя, какіе виды наказаній нужно считать правомѣрными, и какія-результатомъ временнаго и случайнаго произвола правителей; нельзя, напр. относить къ нормальнымъ видамъ наказаній всѣ тѣ разнообразныя муки, которымъ подвергалъ своихъ подданныхъ ц. Іоаннъ Грозный. Эпоха избранная авторомъ, уже въ значительной степени приближается ко времени торжества принципа: „nulla poena sine lege". Это въ особенности нужно сказать о времени уложенія ц. Алексѣя Михайловича. Въ виду этого было бы особенно интересно указать на ограниченія этого принципа, именно выдѣлить юридическую сторону исторіи наказаній отъ бытовой; если въ бытовыхъ явленіяхъ оказалось бы при этомъ однообразіе и постоянство въ примѣненіи какихъ-либо видовъ наказанія, не предусмотрѣнныхъ въ законѣ, то мы получили бы изъ рукъ автора цѣнный выводъ, дополняющій систему наказаній, установленныхъ въ законѣ, видами ихъ, установленными *обычнымъ правомъ*, которое, конечно, не тожественно съ случайностію и произволомъ.—Въ книгѣ г. Сергѣевскаго мы не нашли выдѣленія бытовыхъ явленій отъ правовыхъ, ни даже постановки вопроса о степени дѣйствія, въ эпоху уложенія, принципа: „nulla poena sine lege" (кромѣ замѣтокъ, косвенно сюда относящихся о неопредѣленной санціи закона).

Впрочемъ читатель, интересующійся не правовою, а бытовою исторіею, во всякомъ случаѣ будетъ благодаренъ автору, за тщательный подборъ матеріала.

Далѣе всякій невольно остановится въ недоумѣніи: на какихъ основаніяхъ изо всей русской исторіи наказаній избранъ XVII-й в. и почему одинъ XVII-й вѣкъ? Авторъ старается если не оправдать, то объяснить такое случайное и внѣшнее ограниченіе темы близостію права XVII в. къ нынѣ дѣйствующему (хотя оно несомнѣнно ближе къ праву XVI и XV вв., чѣмъ къ нашему), и (мнимою) бѣдностію памятниковъ уголовнаго права до XVII в., хотя XVI в. оставилъ столь важный памятникъ, какъ судебникъ царскій и первую редакцію уставной книги разб. приказа (главнаго источника уголовной

части улож. цар. Ал. Мих.), а XV-й вѣкъ—судебникъ 1497, не говоря уже о множествѣ уставныхъ и губныхъ грамотъ. Авторъ рекомендуетъ даже обратный путь исторіи русскаго уголовнаго права, именно отъ улож. цар. Ал. Мих. назадъ, къ XVI в. и къ другимъ „древнѣйшимъ эпохамъ" (стр. X—XI). Такой путь былъ разъ уже испробованъ въ русской историко-уголовной литературѣ и не принесъ никакихъ благихъ результатовъ, чего и слѣдовало ожидать; позднѣйшее содержитъ въ себѣ всегда больше предыдущаго и заключеніе отъ перваго ко второму не можетъ не повести къ ошибкамъ.

Разсматривая въ главѣ 1-й цѣли наказанія въ правѣ XVII в., Н. Д. Сергѣевскій отводитъ *возмездію* весьма скромное мѣсто среди этихъ цѣлей, находя въ немъ „идею отвлеченной справедливости" (стр. 3), столь не свойственную тѣмъ временамъ. Но законы Моисеевы не далеко ушли впередъ по степени правосознанія отъ нашего уложен. ц. Ал. Мих., а въ нихъ, какъ извѣстно, господствуетъ принципъ: „око за око, зубъ за зубъ". Думаемъ, что подобное начало наказанія является не только на высшихъ ступеняхъ культуры и права, но и первымъ послѣ періода мести, что первобытное государство воспринимаетъ на себя роль частнаго мстителя, руководясь такими же непосредственными впечатлѣніями, какъ и частный мститель, и отнюдь не отвлеченною идеею справедливости. Сдѣлавъ эту оговорку, мы вовсе не настаиваемъ на особой важности начала возмездія въ эпоху уложенія, ибо сами признаемъ (на другихъ основаніяхъ) что въ русскомъ уголовномъ правѣ XVII в. оно не играетъ первенствующей роли, какъ признаетъ и г. Сергѣевскій. Онъ указываетъ, однако, нѣсколько случаевъ примѣненія начала возмездія и въ томъ числѣ типичнымъ признаетъ наказаніе ябедниковъ, равное наказанію, какому подверглись бы оклеветанные ими. По этому поводу онъ дѣлаетъ замѣтку относительно употребленнаго нами выраженія (въ прим. къ 12 ст. Суд. Ц.), что „по старинному правилу" ложный доносчикъ наказывается такъ-же, какъ былъ бы наказанъ лживо обвиненный имъ; Н. Д. Сергѣевскій полагаетъ, что для XVI в. это не могъ быть принципъ старинный; можетъ быть и мы думаемъ также, ибо выраженіе „по старинному правилу" употреблено нами не для XVI в., а для нашего времени. Но это мимоходомъ. Вопросъ въ томъ: годится ли анализируемый случай въ образецъ матеріальнаго тальона? Конечно нѣтъ: здѣсь преступленіе состоитъ въ лживомъ

доносѣ, а не въ его послѣдствіяхъ; лживый доносчикъ наказывается именно тогда, когда эти послѣдствія *не наступаютъ*, т. е. когда доносъ оказался ложнымъ.

Говоря о свойствахъ уголовнаго закона XVII в., авторъ (стр. 24—25) справедливо указываетъ на безусловно неопредѣленныя санкціи въ формулахъ: „что Государь укажетъ“, „быти въ опалѣ и въ казни“ и т. п. Тоже повторяетъ авторъ и на стр. 284, говоря: „опала великая употребляется въ качествѣ общей угрозы въ неопредѣленной санкціи“, но тутъ же дѣлаетъ примѣчаніе на счетъ совершенно такого же понятія объ опалѣ высказаннаго нами (Христ., вып. II, стр. 111) а именно: „опала означала не какой либо одинъ или нѣсколько опредѣленныхъ видовъ наказанія. Лицо оставалось подъ угрозою наказанія“. Такое предположеніе (т. е. совершенно согласное со взглядомъ самаго автора) представляется ему „не имѣющимъ достаточнаго основанія въ памятникахъ“ (!).

Правда, онъ тутъ же, въ противорѣчіе своему общему и правильному взгляду, говоритъ: *„независимо отъ сего* можно утвердительно сказать, что опала представляла собою нѣкоторое особое, налагаемое, по усмотрѣнію великаго государя, наказаніе должностныхъ лицъ; и затѣмъ приводитъ извѣстное толкованіе Татищева, въ которомъ, однако, перечисляется нѣсколько разнообразныхъ видовъ наказанія, которые *могли* послѣдовать за опалою, а не одно опредѣленное.

Къ безусловно неопредѣленной санкціи авторъ относитъ также и безусловно опредѣленное назначеніе смертной казни во множествѣ случаевъ, между тѣмъ какъ „на практикѣ примѣняются иныя наказанія“ (стр. 26). Это уже отнюдь не относится къ свойствамъ уголовнаго закона, а лишь къ свойствамъ судебной практики.

Касаясь наказаній, налагаемыхъ на невинныхъ людей, связанныхъ съ преступникомъ узами родства, г. Сергѣевскій изъясняетъ это не остаткомъ древней солидарной отвѣтственности семьи, рода и общины (см. Рус. Пр. Кар. 5), а „дѣйствительною *практическою* необходимостію“ (стр. 35) устранять людей подозрительныхъ и опасныхъ, хотя и не уличенныхъ. Положеніе, болѣе чѣмъ сомнительное, особенно относительно временъ древнѣйшихъ, когда принципъ государственной пользы вовсе не былъ сознаваемъ.

Обозначивъ прочія начала наказанія съ точки зрѣнія пользы, авторъ опредѣляетъ нравственное состояніе русскаго общества XVII в.,

какъ почву, на которой выростаютъ и преступленія и карательныя мѣры государства. Здѣсь г. Сергѣевскій, справедливо ограничивая крайнія пессимистическія воззрѣнія на до-петровскую Русь, между другими свѣтлыми явленіями этой послѣдней указываетъ на слѣдующее: „мы прославляемъ императрицу Елизавету Петровну за отмѣну смертной казни, но почему-то наши историки не обращаютъ вниманія на то, что въ XVII в. трижды имѣло мѣсто явленіе, *совершенно подобное* извѣстнымъ указамъ 1743 и 1754 годовъ". Что же это такое? Это а) обѣтъ, данный Борисомъ Годуновымъ при вступленіи на престолъ прекратить смертныя казни на 5 лѣтъ; б) указъ 1653 г. о замѣнѣ смертной казни ссылкою для татей и разбойниковъ, подлежавшихъ по суду казни въ моментъ изданія указа, и в) подобное-же временное распоряженіе Петра I 1691 года. Первый случай не относится къ XVII в.; а два другіе не заключаютъ въ себѣ *ничего подобнаго* указамъ императрицы Елизаветы, объ „отмѣнѣ смертной казни", какъ справедливо выражается самъ авторъ; они ничего болѣе не представляютъ, какъ общій актъ помилованія, вызванный временными и случайными поводами и отличающійся отъ обыкновеннаго помилованія только тѣмъ, что онъ обращенъ не къ одному, а ко множеству лицъ: „Государь пожаловалъ, вмѣсто смерти, велѣлъ имъ животъ дать". Ни Борисъ, ни Алексѣй, ни Петръ никогда не думали объ отмѣнѣ смертной казни, не заподозрѣвали ея цѣлесообразности и необходимости. Иное дѣло Елизавета: она дала указъ (словесный) коммиссіи не вводить смертную казнь въ будущее уложеніе, что̀ и было дѣйствительнымъ актомъ отмѣны смертной казни, которая потомъ въ общемъ законѣ (сводѣ) не примѣняется, кромѣ политическихъ преступленій.

Обращаемъ вниманіе читателя на послѣдующія главы, въ которыхъ излагаются отдѣльные виды наказаній съ живыми и интересными подробностями, не только со стороны законодательной, но и бытовой, хотя какъ сказано, здѣсь-то въ особенности смѣшанъ бытовой матеріалъ съ юридическимъ. Особенно важно изложеніе тюремнаго заключенія и ссылки. Къ сожалѣнію того же нельзя сказать объ отдѣлахъ, посвященныхъ наказаніямъ денежнымъ и поражающимъ честь; здѣсь являются у автора довольно наглядныя противорѣчія; такъ напр., говоря о „заповѣди", т. е. штрафѣ за нарушеніе или новаго закона, или прежняго давно извѣстнаго, если нарушеніе

его предвидѣлось именно со стороны какого-либо лица, авторъ (стр. 270) говоритъ между прочимъ о заповѣди за корчемство: „дѣяніе прежде дозволенное—выкурка и вольная продажа вина было воспрещено закономъ и назначенное за него денежное взысканіе получило названіе заповѣди". Тутъ же (стр. 271) онъ приводитъ наше изъясненіе одного вида „заповѣди", (представленное въ Христ. вып. II, стр. 206), въ которомъ заповѣдь (по поводу того же закона о корчемствѣ) истолкована, какъ „штрафъ за такія дѣянія, которыя запрещены закономъ, между тѣмъ, какъ общество не находитъ въ существѣ ихъ ничего преступнаго". Такое изъясненіе вполнѣ согласно съ приведеннымъ сейчасъ толкованіемъ г. Сергѣевскаго; общество не могло считать преступнымъ выкурку и продажу вина, пока она не была запрещена закономъ. Нельзя не удивиться поэтому, что тотъ же проф. Сергѣевскій въ слѣдъ за тѣмъ признаетъ наше изъясненіе „безусловно несостоятельнымъ". Въ чемъ же дѣло? Нельзя же свое собственное мнѣніе назвать безусловно-несостоятельнымъ. Нельзя съ другой стороны полагать, чтобы онъ не обратилъ вниманія на то, что *новые* законы, установляющіе заповѣдь, не законы, опредѣляющіе вновь и иначе наказанія за дѣянія уже и прежде воспрещенныя, а такіе законы, которыми воспрещается дѣяніе, прежде дозволенное. Дѣянія прежде дозволяемыя, и потомъ воспрещаемыя новыми законами, не бываютъ преступны по существу своему; красть, убивать, поджигать, увѣчить и бить запрещалось съ незапамятныхъ временъ [1]). Новые законы могли запрещать только курить табакъ, носить или не носить нѣмецкое платье, молиться у овина, не разводиться съ женою по своей волѣ, не курить водки, не вывозить хмѣль изъ заграницы, не рубить въ своемъ лѣсу дуба, не топить печки лѣтомъ, не носить бороду, не креститься двумя перстами и т. д. Остаемся при убѣжденіи, что споръ противъ нашего мнѣнія поднятъ г. Сергѣевскимъ по недоразумѣнію. Къ этому же отдѣлу книги относится и указанное выше противорѣчіе въ понятіи объ опалѣ.

---

[1]) Мошенничество и грабежъ, хотя и не отмѣчаются въ древнихъ уголовныхъ законахъ, но несомнѣнно подлежали наказанію наравнѣ съ татьбою и подъ общимъ именемъ татьбы.

3. М. Ступинъ: „Исторія тѣлесныхъ наказаній въ Россіи отъ судебниковъ до настоящаго времени“. Владикавказъ. 1887.

Небольшое изслѣдованіе г. Ступина студенческая работа, изданная потомъ при самыхъ невыгодныхъ условіяхъ во Владикавказѣ, отчасти совпадаетъ по темѣ, съ изслѣдованіемъ проф. Сергѣевскаго и не вполнѣ блѣднѣетъ отъ такого близкаго сосѣдства. Тема опредѣлена на правильныхъ научныхъ основаніяхъ; хотя она обнимаетъ исторію тѣлесныхъ наказаній только отъ судебниковъ до настоящаго времени, но, по мнѣнію автора, тѣлесныя наказанія появляются именно въ эпоху судебниковъ, а потому брошюра г. Ступина имѣетъ цѣлію представить полный обзоръ исторіи одного вида наказаній.

Впрочемъ такое опредѣленіе начала тѣлесныхъ наказаній требуетъ съ нашей стороны оговорки. Въ самомъ ли дѣлѣ тѣлесныя наказанія появляются на Руси только въ эпоху судебниковъ (съ конца XV в.)? Не говоря о бытовыхъ памятникахъ древнѣйшаго періода, даже въ законодательныхъ источникахъ есть свидѣтельство объ одномъ видѣ тѣлесныхъ наказаній гораздо ранѣе эпохи судебниковъ, именно: въ уст. Двин. грам. 1397 г., за татьбу, кромѣ денежнаго взысканія предписано: „татя всякаго пятнити“ (фактъ, извѣстный и г. Ступину, но приведенный имъ въ другомъ мѣстѣ на стр. 27 подъ ошибочною датою 1597, можетъ быть по опечаткѣ). Пятнаніе воровъ, хотя имѣетъ и полицейскую цѣль—отмѣтить навсегда вора, какъ лицо опасное, но не отнести его къ наказанію нѣтъ никакихъ основаній. Этого мало: потокъ Русской правды, заключаетъ въ своемъ понятіи возможность многихъ видовъ уголовныхъ каръ, въ томъ числѣ и болѣзненныхъ; иначе въ нѣкоторыхъ спискахъ Русской Правды слова „на потокъ“, не замѣнялись бы словами: на бой“. Аналогичное указаніе Судебника Казиміра 1368 (ст. 19) о томъ, что „парубокъ“ за первую татьбу, при несостоятельности, приговаривается къ побоямъ („пробити“), опредѣляетъ смыслъ подобнаго же постановленія Русской Правды (Кар. 76) о томъ, что холопъ, ударившій свободнаго мужа, вмѣсто убіенія, полагавшагося за то раньше, долженъ быть связанъ и побитъ Такія археологическія справки важны въ томъ отношеніи, что ими иначе рѣшается вопросъ о причинахъ появленія тѣлесныхъ наказаній на Руси,—напр. вопросъ о томъ,—стоятъ ли они въ связи съ татарскимъ игомъ. Несомнѣнно, что они появляются съ древнѣйшихъ временъ въ замѣнъ

денежныхъ штрафовъ при несостоятельности преступника (даже смертная казнь являлась алтернативою виры при тѣхъ же условіяхъ).

Обращаясь опять къ концепціи сочиненія, замѣтимъ что авторъ, очевидно признавая наказаніемъ только такіе виды его, которые опредѣлены въ законѣ, руководится исключительно памятниками законодательства; хотя въ болѣе раннюю эпоху, при господствѣ обычнаго права, можно признать правомѣрными и нѣкоторые виды наказаній, не упомянутые въ законѣ, но выдѣлить ихъ отъ массы случайныхъ и произвольныхъ мукъ, какія могли появляться въ практикѣ, для него было трудно, а потому путь, избранный г. Ступинымъ, для начинающаго юриста всегда безопаснѣе и вѣрнѣе.

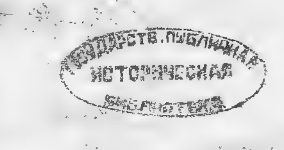
Главнѣйшее вниманіе автора обращено, какъ и слѣдуетъ, на послѣднюю эпоху въ исторіи наказаній (по его плану на III и IV отдѣлы книги, въ которыхъ заключается исторія тѣлесныхъ наказаній въ эпоху Свода Законовъ, и отмѣны ихъ въ царствованіе имератора Александрм II), но и прочіе отдѣлы изложены съ надлежащею полнотою (въ рамкахъ, обозначенныхъ имъ, т. е. въ объемѣ законодательныхъ источниковъ). Авторъ, хотя и не осложняетъ рѣчи подробными выписками изъ памятниковъ, но указываетъ ихъ (главн. образ. по Полному Собран. Законовъ) съ точностью, достаточною для справокъ, если бы кто либо имѣлъ надобность обратиться къ болѣе детальной разработкѣ темы.

Изъ числа ошибочныхъ выводовъ автора не можемъ не отмѣтить слѣдующаго:

Въ предисловіи онъ выразилъ мысль, что „строгость наказаній обратно пропорціональна степени умственнаго, нравственнаго и экономическаго развитія общества“. Но г. Ступину извѣстно, что въ первоначальную эпоху обществъ, т. е. самую низшую по степени цивилизаціи, вовсе не бываетъ личныхъ уголовныхъ каръ, кромѣ денежныхъ; такъ у насъ даже въ поздніе предѣлы эпохи Рус. правды— законъ говоритъ о денежныхъ штрафахъ и (какъ сказано) лишь въ видѣ алтернативы допускаетъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ тѣлесныя наказанія и смертную казнь. Для дальнѣйшихъ періодовъ самъ авторъ указываетъ обратный его формулѣ путь въ развитіи строгости наказаній; онъ говоритъ (стр. 12): „неудивительно процвѣтаніе тѣлесныхъ наказаній въ Россіи въ эпоху судебниковъ и уложенія, отличавшуюся грубостію нравовъ, умственнымъ невѣжествомъ, низкимъ

уровнемъ нравственныхъ принциповъ" и т. д. Но вотъ настаетъ эпоха другая, время преобразованій Петра Вел. и пересадки на Русь европейской цивилизаціи, и чтоже? Уменьшилась ли строгость наказаній, уменьшились ли виды тѣлесныхъ наказаній? Нѣтъ: „кнутъ и батоги, говоритъ авторъ, получили себѣ новыхъ собратовъ во образѣ шпицрутеновъ и кошекъ и дѣйствію этихъ орудій правосудія вмѣстѣ съ членовредительными открывалось теперь *болѣе широкое поприще*"..... (стр 23). Правда, авторъ не очень высоко цѣнитъ цивилизаторскія мѣры Петра Великаго; но во всякомъ случаѣ отъ Ивана III до Петра I русская цивилизація едвали сдѣлала понятный шагъ. Все это должно бы побудить автора принять выставленное имъ начало не безъ сильныхъ оговорокъ и вспомнить, что доктрины Фейербаха могутъ господствовать иногда послѣ господства теорій Монтескьё и Беккаріа.

М. Владимірскій-Буданов.

Оттискъ изъ Университетскихъ Извѣстій 1888 г.
Печатано по опредѣленію Совѣта Университета св. Владиміра.
Кіевъ. Въ Университетской типографіи, Пироговская ул., д. № 4.

